

**В. Ф. ХОДАСЕВИЧ И А. И. ГЕРЦЕН:
О НАЗВАНИИ И ПОЭТИКЕ СБОРНИКА “ЕВРОПЕЙСКАЯ НОЧЬ”¹**

© 2017 г. П. Ф. Успенский

Кандидат филологических наук, PhD, преподаватель Школы филологии
Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”,
Россия, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4
paveluspenskij@gmail.com

**VLADISLAV KHODASEVICH AND ALEXANDER HERZEN:
THE TITLE AND POETICS OF THE COLLECTION *EUROPEAN NIGHT***

© 2017 г. Pavel F. Uspenskij

Candidate of Philology, PhD, Lecturer at the School of Philology at the National Research
University “Higher School of Economics”, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
paveluspenskij@gmail.com

В статье рассматривается влияние А.И. Герцена, пожалуй, самого известного русского эмигранта XIX в., на мировоззрение В.Ф. Ходасевича и поэтику его эмигрантских стихов. В работе показывается, что отношение Герцена к современной ему Европе, ее буржуазным ценностям и политическим программам было для Ходасевича модельным и повлияло на некоторые стихи “Европейской ночи”. Заглавие поэтического сборника и особенности его поэтики (позиция наблюдателя, описание “уродства” европейской жизни, возникающие иногда политические темы) восходят к сочинениям Герцена. В статье также рассматриваются социально-политические взгляды Ходасевича и обсуждается вопрос о прагматике его эмигрантских стихов.

In this article we will examine the influence of Alexander Herzen, perhaps the most famous Russian émigré of the 19th century, on the worldview of Vladislav Khodasevich and on the poetics of the latter’s poetry written in emigration. In this study it will be shown that Herzen’s relationship to the Europe of his day and its bourgeois values and political programs was a model for Khodasevich and influenced some of the poems in *European Night*. The title of this collection of poems and many features of its poetics (the position of the observer, the description of the “deformity” of European culture, political themes that occasionally appear) illustrate Khodasevich’s indebtedness to the works of Herzen. In this article we will also investigate Khodasevich’s social and political views and discuss the question of the pragmatics of his poems written in emigration.

Ключевые слова: В.Ф. Ходасевич, А.И. Герцен, “Европейская ночь”, Россия и Запад, поэтика, литература русской эмиграции, поэтическая сатира, восприятие эмиграции в Советской России, Н.А. Некрасов.

Key words: Vladislav Khodasevich, Alexander Herzen, *European Night*, Russian and the West, poetics, Russian émigré literature, satire poetry, the perception of emigrants in the Soviet Union, Nikolay Nekrasov.

Посвящается М.С. Макееву

Название для своего последнего сборника — “Европейская ночь” (1927; отдельно не публиковался и вошел в итоговое “Собрание стихотворений”) — В.Ф. Ходасевич придумал вскоре после

отъезда из Советской России летом 1922 г. 6 октября 1922 г. поэт писал А.И. Ходасевич: «Я, кажется, к Рождеству смастерю цикл, кот<орого> название сообщаю по секрету: “Европейская ночь”. <...> Всего будет штук 12 <стихотворений — П.У.>, издам книжечкой и пришлю тебе» [1, с. 396]. Уже через несколько месяцев Ходасевич стал сомневаться в выбранном заглавии («Я сейчас работаю над тем, что должно было называться “Европ<ейская> ночь”, но будет называться иначе» [1, с. 396]). Неизвестно, какое название книги виделось Ходасевичу подходящим и когда точно он вернулся к первоначальному

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№ 16-01-0004) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2016–2017 гг. и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5–100”. Автор выражает признательность Г.А. Левинтону и А.В. Вдовину за замечания, возникшие при чтении этой статьи.

варианту, но, публикуя “Собрание стихов”, поэт объединил свои эмигрантские стихи в раздел “Европейская ночь”. Это словосочетание встречалось во втором стихотворении цикла “У моря” (1922) — “Под европейской ночью черной / Заламывает руки он” [1, с. 159].

За пять лет, прошедших между возникновением и реализацией поэтического замысла, смысл заглавия — но не его лексический состав — изменился очень сильно. Смысловая доминанта словосочетания “европейская ночь” сдвинулась от социальной оценки европейского и эмигрантского мира в сторону всеобъемлющего отчаяния. Этот сдвиг связан с обстоятельствами жизни Ходасевича за границей. До весны 1925 г. поэт не воспринимал эмиграцию как окончательную и считал, что может вернуться в Советскую Россию. С весны 1925 г., когда поэт навсегда поселился в Париже, он стал полноценным эмигрантом [2]. Переход от полуэмиграции к жизни изгнанника сказался и на замысле сборника. По всей вероятности, изначально “Европейская ночь” задумывалась как книга сатирических и обличительных стихов, однако в итоге стала книгой, в которой на первый план выходят экзистенциальный ужас и дисгармоничность мира (подробнее см.: [3])².

Настоящая статья посвящена выявлению генезиса заглавия последнего поэтического сборника Ходасевича, а также восстановлению ряда актуальных для его поэтики контекстов. В большей степени нас будет интересовать тот историко-литературный контекст, который был важен для стихов первого, полуэмигрантского периода жизни поэта (1922–1925). С нашей точки зрения, он связан с творческим наследием А.И. Герцена и острой социальной проблематикой некоторых его сочинений.

Почему же Ходасевич выбрал для эмигрантских стихов именно такое заглавие? В каком историко-литературном контексте оно должно было прочитываться современниками? В единственной работе, посвященной этому вопросу, — статье С.Г. Бочарова «“Европейская ночь” как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле» название сборника Ходасевича связывается с книгой О. Шпенглера “Закат Европы” (т. 1, 1918; т. 2, 1922) и со славянофильскими идеями, выраженными, в частности, в стихотворении А.С. Хомякова “Мечта” (1835) — “О грустно, грустно мне! Ложится тьма густая / На дальнем Западе, стране святых чудес...” [9]. Сходной точки зрения

придерживается и А.А. Долинин, отмечавший, что книга Ходасевича «наделяет западные мегаполисы, Берлин и Париж, примерно теми же свойствами “демонической каменной пустыни”, что и Шпенглер, — безжизненностью, пошлостью, бесплодием, однообразием, <...> отсутствием смысла. Само заглавие книги <...>, отвечающее на “советскую ночь” Мандельштама и отсылающее к эсхатологическому пророчеству Хомякова <...>, стало расхожей формулой в эмигрантском анти-западном дискурсе» [10, с. 47–48].

Конечно, Ходасевич не мог не помнить о стихах Хомякова и славянофильских построениях, как и не мог не знать о концепции Шпенглера. Вместе с тем представляется, что указанные контексты для поэта не являются ключевыми. В его эпистолярном и критическом наследии мы не находим никаких значимых упоминаний о славянофилах и о Хомякове, и в целом идеология славянофильства для Ходасевича — человека смешанных кровей и человека европейской культуры — была чужда. Концепцию Шпенглера поэт также специально не обсуждает в своих критических статьях или письмах. В статье “О кинематографе” (1926) — резком выпаде против этого вида искусства — Ходасевич, описывая современную культурную ситуацию, ссылается на другого историка и теоретика культуры: “Все это обстоятельства очевидные. Сейчас любят их объяснять изживанием европейской культуры и рождением новой эры, для которой П.П. Муратовым (кажется, им) предложено и название: пост-Европа” [11, с. 371]. Рассуждения Муратова (см.: [12]) во многом развиваются в шпенглеровском русле, однако имени Шпенглера Ходасевич решил не называть, а к построениям самого Муратова и других теоретиков современной культуры, как видно по приведенной фразе, относился не без легкой иронии (“сейчас их любят объяснять”).

Для Ходасевича обобщающий мировую историю труд Шпенглера, по всей вероятности, был слишком теоретическим и культурологическим. Концепция философа могла быть созвучна Ходасевичу идеей о скорой гибели Европы, однако более сложные мысли Шпенглера (противопоставление “культуры” и “цивилизации”, известное Ходасевичу и по статьям Блока, стадии развития культуры, история культурных форм, “фаустовская” душа европейского человека [13]) не так актуальны для эмигрантских стихов Ходасевича.

К тому же русская рецепция “Заката Европы” связывала этот труд со славянофильской идеологией. Так, например, в сборнике “Освальд Шпенглер и Закат Европы” (1922) С.Л. Франк писал:

² Укажем также важные обобщающие работы о “Европейской ночи”: [4, с. 251–316]; [5, с. 37–48]; [6, с. 209–267]; [7, с. 119–131]; [8, с. 432–579].

“Конечно, самое уловление момента умирания западной культуры в явлениях цивилизации 19 века должно быть признано бесспорным. Эта идея Шпенглера, неслыханная по новизне и смелости в западной мысли, нас, русских, не поражает своей новизной: человек западной культуры впервые осознал то, что давно уже ощущали, видели и говорили великие русские мыслители-славянофилы. От этих страниц Шпенглера <...> веет давно знакомыми, родными нам мыслями Киреевского, Достоевского, Константина Леонтьева” [14, с. 49] (см. также: [15, с. 55–57]). Представляется, что соединение концепции Шпенглера с идеями славянофилов и почвенников скорее отталкивало, чем притягивало Ходасевича.

Хотя мы не можем отрицать влияние Шпенглера и славянофильской метафоричности на заглавие книги “Европейская ночь”, думается, что генезис названия последнего поэтического сборника лежит несколько в иной плоскости и связан с безусловно важной для Ходасевича фигурой – А.И. Герценом.

Тема “Ходасевич и Герцен” пока ограничивается лишь несколькими наблюдениями³. Так, И. Андреева отмечала, что Ходасевич «цитирует и интерпретирует Герцена в стихотворении “Дом” (ср. со строчками Герцена: “Человек, конечно, дома в истории”) и в статье “О завтрашней поэзии”, где, помимо прямого цитирования, различим ритм герценовской публицистики, ее пафос. И очерк “Помпейский ужас” задан книгой Герцена <“С того берега” – П.У.>» [22, т. IV, с. 633]. К сожалению, эти соображения не были развиты. Чрезвычайно глубоким и важным нам представляется наблюдение Дж. Малмстада. Исследователь обратил внимание, что миф Ходасевича о поэте как пророке и мученике связан не только с “Пророком” Пушкина и Лермонтова, но и восходит к известному фрагменту из книги Герцена “О развитии революционных идей в России” (1851) [23, с. 194–195]. В этой книге Герцен представил историю русской литературы как мартиролог: “Ужасный скорбный удел уготован у нас всякому, кто осмелится поднять свою голову выше уровня, начертанного императорским скипетром; будь то поэт, гражданин, мыслитель – всех их толкает в могилу неумолимый рок. История нашей литературы это или мартиролог, или реестр каторги. Погибают даже те, которых пощадил правительство, едва успев расцвести, они спешат расстаться с жизнью” [24, т. III, с. 456].

Далее следовал список литераторов, убитых по вине правительства (от Рылеева и Пушкина до Баратынского и Бестужева). Ходасевич – с оглядкой на Герцена – так же считал, что “ист<ория> русск<ой> поэзии (м.б., вообще литературы) есть история уничтожения рус<ских> писателей” [22, т. II, с. 9], и составлял реестр пострадавших литераторов (см. его запись “Позор” из записной книжки начала 1921 г. [22, т. II, с. 9] и статью “Цитаты” 1926 г. [11, с. 375–381], в которой Ходасевич, цитируя свои стихи, косвенно включил в реестр и самого себя [25, с. 69–70])⁴.

Обратим внимание еще на два случая актуализации творчества и личности Герцена. Письмо Ходасевича к Л.Б. Яффе от 23 марта 1918 г. начинается с цитаты из названия книги эмигранта XIX в.: “Я Вам пишу, можно сказать, с того берега” [22, т. IV, с. 410]. Вспоминая о философской книге “С того берега” (впервые на рус. яз. – 1855), в которой осмысляется и поражение французской революции 1848 г., и те сложнейшие жизненные вопросы, которые оно ставит, Ходасевич сопоставляет свой опыт восприятия революции с восприятием Герцена. В коннотативном плане этого высказывания находится, конечно, не сообщение о провале русской революции, а мысль о сложности осмысления этого эпохального события. Согласно завету Герцена, поэт не остался “на старом берегу” (поскольку “лучше с ним погибнуть, нежели спастись в богадельне реакции” [24, т. III, с. 234]), а значит, чувствовал свою причастность историческим событиям и считал произошедший социально-политический взрыв важным историческим этапом (к отношению Ходасевича к революции мы обратимся далее). Вводное предложение с семантикой неуверенности (“можно сказать”) следует объяснить, по-видимому, невозможностью полной идентификации с обстоятельствами жизни Герцена: Герцен, находясь в эмиграции, был свидетелем европейской революции, тогда как Ходасевич находился на родине и был свидетелем революции, устроенной соотечественниками.

К чествованию памяти Герцена в Малом театре, устроенному Московским союзом писателей 21 января 1920 г., Ходасевич написал стихотворение о Герцене, Огареве и их женах (эпиграф был взят из письма Н.А. Огаревой: “Мы какие-то четыре звездочки, и, как их ни сложи, все выходит хорошо”) – “Четыре звездочки вззошли на небосвод”: “Четыре звездочки! Безмолвный приговор! /

³ Несколько богаче фонд работ, посвященных Герцену и поэтам и писателям модернизма. См., например: [16]; [17]; [18]; [19]; [20]; [21].

⁴ Стоит добавить, что “список Герцена” реактуализовался в Советском Союзе в связи с самоубийствами Есенина и Маяковского. См. подробнее: [26].

С какою неразрывностью суровой / Сплетаются в свой узел, в свой узор / Созвездье Герцена — с созвездьем Огарева!» [1, с. 244, 412]. Хотя эти, далеко не самые лучшие, стихи Ходасевича посвящены личной жизни Герцена, а не его общественной позиции⁵, очевидно, что они свидетельствуют о важности этой фигуры для поэта⁶. Стихов о Хомякове и славянофилах (как и о Шпенглере) Ходасевич все-таки не писал.

О важности Герцена для Ходасевича свидетельствует и его статья “Памяти предка”, которая предназначалась в качестве вступительной заметки к так и не вышедшей “Литературной газете” 1921 г. В ней Ходасевич коротко восстанавливает историю одноименной газеты Дельвига, и риторическая организация повествования, несомненно, напоминает стиль Герцена:

“В одну из таких черных эпох, во дни Николая Первого, когда одни из писателей были уже удавлены на виселице, другие сосланы, третьи изнывали в тисках официального покровительства; когда словесность была головою выдана жандармам и цензорам, состязавшимся в невежестве, глупости и любви к казенному отечеству; когда литературе предлагалось петь гимны существующей власти — или не быть вовсе; когда общественное мнение изображалось подкупленными перьями международных проходимцев Булгарина и Греча; когда между просвещением и народом стояла непробиваемая стена служилой сволочи, желавшей лишь одного: казнокрадствовать и бездельничать; когда писателю приходилось становиться чиновником, чтобы не умереть с голоду и не быть заподозренным в крамоле, — в те проклятые времена несколько писателей, состоявших на замечании у правительства, вздумали издавать газету, которой цель заключалась в том, чтобы казенным литературным мнениям, пристрастным оценкам, доносам и невежеству Булгариных, хотя бы в области узколитературной (ибо касаться иных вопросов было вовсе запрещено), противопоставить придавленное цензурой, но все-таки независимое и неподкупное мнение людей честных

и сведущих в том, о чем они пишут. Писатели эти были Пушкин, Дельвиг, Вяземский и др.” [31, с. 97].

О Герцене здесь напоминает не только внимание к страдающим писателям, но и гражданская обличительная патетика, дискредитирующая официальную власть и литературу. В уже упоминавшейся книге Герцена “О развитии революционных идей в России” образ николаевского царствования не менее мрачен:

“В окружении посредственностей, солдат для парадов, балтийских немцев и диких консерваторов виден был Николай, подозрительный, холодный, безжалостный, <...> — такая же посредственность, как и те, что его окружали”; “Холодность публики к мундиру все же не заходила так далеко, чтобы допускать гражданских чиновников в общество. Даже в провинции к ним испытывали непреодолимое отвращение, что отнюдь не помешало росту влияния бюрократии. После 1825 года вся администрация <...> стала мелочной и искусной в крючкотворстве. Министерства превратились в конторы <...>. По отношению к гражданской службе они являлись тем же, чем тупые служаки по отношению к гвардии. Большие знатоки всевозможных формальностей, <...> они были преданы правительству из любви к лихоимству”; “В эту эпоху писали мало: половина литераторов была в ссылке, другая — хранила молчание. Небольшая кучка ренегатов, вроде сиамских близнецов Греча и Булгарина, связалась с правительством, заглажив свое участие в 14 декабря доносами на друзей <...>. Они одни господствовали тогда в петербургской журналистике, но в роли полицейских, а не литераторов” [24, т. III, с. 455, 456, 462].

Примечательно при этом, что о “Литературной газете” Герцен не пишет, и в его пантеон из названных Ходасевичем имен входит только Пушкин. Статья “Памяти предка” поэтому интересна не только как усвоение гражданской патетики Герцена, но как попытка соединения социальной риторики и любимой Ходасевичем поэзии первой трети XIX века или, обобщая, революционной гражданственности и чистой эстетики⁷.

Таким образом, не вызывает сомнений, что личность и творческое наследие Герцена были Ходасевичу интересны и в определенной мере на него повлияли⁸. Этот интерес к Герцену резонирует с “переоткрытием” Герцена русскими

⁵ По всей вероятности, история семейной жизни Герцена интересовала модерниста Ходасевича как опыт жизнестроительства XIX в. и могла видеться как предтеча жизнотворческих экспериментов символизма, в которых сам Ходасевич принимал участие [27, с. 15–46, с. 86–113]. См. о Герцене: [28, с. 121–124]; [29]. Напомним, что история личной жизни Герцена живо интересовала русскую интеллигенцию, в частности, в годы после русской революции. См. подробнее: [30].

⁶ Выскажем также предположение, что интерес Ходасевича к Герцену мог подпитываться М.О. Гершензоном. Ср. фрагмент из “Некрополя”: «К тем, кого он изучал, было у него совсем особое отношение. Странно и увлекательно было слушать его рассказы об Огареве, Печерине, Герцене. Казалось, он говорит о личных знакомых. Он “чувствовал” умерших как живых» [22, с. 104].

⁷ Этот процесс начался у Ходасевича еще в Первую мировую войну и был связан как с историческими событиями, так и с этапом творческой эволюции, отчасти ориентированной на Блока. См. подробнее: [27, с. 159–192].

⁸ Выскажем также предположение, что диалогическая форма известной статьи Ходасевича “Безглавый Пушкин” [11, с. 235–238] отчасти мотивирована диалогами в книге Герцена “С того берега”.

интеллектуалами в 1900–1920-е годы. С 1915 года начинает выходить полное собрание сочинений и писем Герцена под ред. М.К. Лемке (издание будет закончено в середине 1920-х гг.); Герцену в разное время посвящают статьи и исследования В.В. Розанов, Р.В. Иванов-Разумник, М.О. Гершензон, С.А. Венгеров, Г.Г. Шпет, А.А. Блок, Д.С. Мережковский и другие (см.: [32], а также [33]; [30]). В истории осмысления Герцена важную роль играл сборник “А.И. Герцен. 1870–1920” (Пг., 1920), в котором были опубликованы статьи многих упомянутых авторов. Ходасевич в целом усвоил восприятие Герцена русским модернизмом, но при этом, как и всякий крупный поэт, обращался к его сочинениям напрямую. Отъезд Ходасевича в эмиграцию, с нашей точки зрения, усилил влияние Герцена на поэта.

Для русской культуры первой половины XX века Герцен, несомненно, был самым известным и главным русским эмигрантом XIX в. Его публицистическая и издательская деятельность, его установка на свободное слово⁹ и, соответственно, отношение к эмиграции как возможности писать без оглядки на цензуру и бороться за изменение политической ситуации на родине (см. главу “Прощайте” в книге “С того берега” [24, т. III, с. 238–245]), равно как и критическое отношение к современной Европе, можно назвать модельным (эта тема остается слабо разработанной, см., впрочем, важное соображение А.А. Долинина: [15, с. 50])¹⁰. Поэтому, оказавшись в эмиграции, Ходасевич, по всей вероятности, в значительной степени ориентировался на Герцена, причем главный изгнанник XIX в. был особенно важен в период полуэмиграции (1922–1925), когда поэт считал возможным свое возвращение в Россию. Хотя эмигрантское самосознание и поэтику эмигрантских стихов Ходасевича нельзя объяснить исключительно ориентацией на Герцена, мы можем

выделить несколько важных аспектов, о которых будем говорить далее.

Во-первых, первые годы пребывания в Европе (1847–1850) Герцен не был полноценным эмигрантом. По официальным документам он уехал за границу для излечения болезни жены и до судебного разбирательства с николаевским правительством по поводу арестованного имущества не являлся изгнанником (хотя и не собирался возвращаться в Россию). Это положение давало возможность быть скорее только наблюдателем или зрителем европейских событий.

Во-вторых, разочарование Герцена в европейской жизни (связанное с поражением революции 1848 г.) и его обличение мещанства задавало одну из моделей отношения к европейскому миру для приехавшего на Запад русского интеллектуала. Эта модель стала актуальной и для Ходасевича, с той оговоркой, что его неприятие почти всегда одинаково распространялось и на европейцев, и на русских эмигрантов. Отметим, что Герцен оказался в интеллектуальном и духовном вакууме — отторжение западной жизни не прививало любви к николаевской России. В сходной ситуации оказался и Ходасевич: его неприятие западного и эмигрантского мира не обеспечивало симпатий к положению дел в Советской России.

В-третьих, обреченному на гибель буржуазному западному миру Герцен, как известно, стал противопоставлять русскую общину как главный источник будущих мировых преобразований. Разумеется, у Ходасевича не было подобных политических идей. Однако здесь важен сам факт противопоставления западного и российского. Западному/эмигрантскому миру Ходасевич, по всей вероятности, противопоставлял идею новой революционной России. Отношение поэта к русской революции было сложным, и хотя он уехал в эмиграцию, первые годы он считал, что положение дел в Советской России может измениться. Позже, став полноценным эмигрантом (с 1925 г.), Ходасевич видел миссию эмиграции в сохранении культурного наследия к моменту объединения диаспоры и метрополии.

Наконец, в-четвертых, жизненный кризис Герцена, наиболее ярко выраженный в книге “С того берега”, отчасти стал моделью для ставшего полноценным эмигрантом Ходасевича.

Таковы основные векторы ориентации Ходасевича на Герцена. Конечно, эти тенденции — только реконструкция, больше связанная с знанием Ходасевича, чем с его текстами, и полностью логично и последовательно реализованы они не были. Тем не менее, далее мы постараемся

⁹ См., например, статью “Вольное русское книгопечатание в Лондоне. Братьям на Руси” (1853): “Открытая, вольная речь — великое дело; без вольной речи — нет вольного человека. Недаром за нее люди дают жизнь, оставляют отечество <...> Открытое слово — торжественное признание, переход в действие” [24, т. VII, с. 5].

¹⁰ Наше предположение о том, что Герцен задал модель эмигрантского поведения и самосознания, возможно, косвенно подкрепляется тем, что для советской интеллигенции Герцен служил моделью осмысления исторических событий. См. подробнее: [33]. И эмигрантская, и советская модель, вероятно, восходят к общему увлечению Герценом в первые десятилетия XX века (см., например, антологию: [32]). Здесь же укажем, что в значительной степени герценовская модель воплотилась в хронологически более поздней, чем обсуждаемые сюжеты, книге Романа Гуля “Я унес Россию. Апология эмиграции” (в 3 т.), во многом ориентирующейся на “Былое и думы”.

показать, что целый ряд текстуальных и смысловых переключек позволяет нам считать Герцена одной из ключевых фигур для Ходасевича в эмиграции.

Мы начнем с названия цикла стихов, а затем обратимся к поэтике эмигрантской лирики Ходасевича. Сначала мы рассмотрим те тексты, которые с некоторой долей условности можно назвать политическими, затем обратимся к стихам, посвященным персонажам современной Европы (это либо европейские жители, либо эмигранты), а потом рассмотрим стихотворения, посвященные лирическому “я”. Прежде всего, мы будем говорить о текстах, написанных Ходасевичем в полуэмиграции (1922–1925), а соображения о полноценном эмигрантском периоде оставим на конец нашей работы. Наконец, анализ стихов мы будем в некоторых случаях сочетать с анализом переписки Ходасевича, чтобы наиболее отчетливо выявить особенности мировоззрения поэта.

Как мы помним, осенью 1922 г. Ходасевич придумал название цикла стихов — “Европейская ночь”. Смысловое поле этого словосочетания связано с гибелью Европы, причем скорее с затяжной, чем с мгновенной, а также, возможно, с отдаленной перспективой наступления нового времени или новой эпохи — “утра”. В русской культуре XIX–XX вв. идея гибели Европы является устойчивым топосом, к которому обращались и славянофилы, и Достоевский, и писатели Серебряного века (см. подробнее в обстоятельной статье: [15]). Важная роль в формировании этого топоса принадлежит Герцену, который, размышляя об упадке и обреченности западного мира, прибегал, в частности, к метафоре “ночи”. Особенно ярко “ночная” метафорика проявляется в книге “С того берега”:

“Но неужели будущая форма жизни вместо прогресса должна водвориться ночью варварства”; “И никто не обратил внимание на бесплодность века, на совершенное отсутствие творчества. Сначала он еще был освещен заревом XVIII столетия, он блистал его славой, гордился его людьми. По мере, как эти звезды другого неба заходили, сумерки и мгла падали на все; повсюду бессилие, посредственность, мелкость — и едва заметная полоска на востоке, намекающая на дальнейшее утро, перед наступлением которого разразится не одна туча”; “Я первый бледнею, трушу перед темной ночью, которая наступает; дрожь пробегает по коже при мысли, что наши предсказания сбываются так скоро, что их совершение — так неотразимо... Прощай, отходящий мир, прощай, Европа!”; “Но страшно то, что отходящий мир оставляет не наследника, а беременную вдову. Между смертью одного и рождением другого утечет много воды, пройдет длинная ночь хаоса

и запустения”; “Жизнь потухала, как последние свечи в окнах, прежде рассвета”; “Сумерки наступают, и ни одной путеводной звезды не является на небе” [24, т. III, с. 286, 341–342, 342, 345, 346, 348–349]¹¹.

“Европейская ночь”, таким образом, это не только исполнение пророчества Хомякова, но и память о пессимистичной метафоре Герцена. Метафора ночи Европы, однако, не единственный след влияния эмигранта XIX в., — она работает в комплексе с другими переключками.

О гибели Европы Герцен писал по-разному. В одной из картин он описывал незаметность наступающей гибели при сохранении внешнего порядка вещей:

“Видимая, старая, официальная Европа не спит — она умирает! <...> По-видимому, еще многое стоит прочно, дела идут своим чередом, судьи судят, церкви открыты, биржи кипят деятельностью, войска маневрируют, дворцы блестят огнями — но дух жизни отлетел <...> Полиция хранит, спасает Европу, под ее благословением и кровом стоят троны и алтари, это гальваническая струя, которою насильственно поддерживают жизнь, чтобы выиграть настоящую минуту. Но разъедающий огонь болезни не потушен, его вогнали только внутрь, он скрыт. <...> Многие не видят смерти только потому, что они под смертью воображают какое-то уничтожение. Смерть не уничтожает составных частей, а развязывает их от прежнего единства” [24, т. III, с. 344–345].

Этот пассаж из книги “С того берега” некоторыми своими деталями как будто отзывается в венецианском стихотворении Ходасевича 1924 г.:

Интриги бирж, потуги наций.
Лавина движется вперед.
А все под сводом Прокураций
Дух беззаботности живет.

И беззаботно так уснула,
Поставив туфельки рядком,
Неомрачимая Урсула
У Алинари за стеклом.

И не без горечи сокрытой
Хожу и мыслю иногда,
Что Некто, мудрый и сердитый,
Однажды поглядит сюда,

¹¹ См. также в “Письмах из Франции и Италии” (1847–1852): “Все рассыпалось, как карточный дом; противные сумерки пропали. Нет больше двусмысленных недоговорок, поддерживающих пустые надежды с обеих сторон. Темная ночь, которую ждали, настала, — мы шагом ближе к утру” [24, т. III, с. 215].

Нельзя не отметить, что метафора ночи у Герцена не единственное средство сообщить о гибели старого мира; публицист говорит и о гибели напрямую, а также прибегает к метафоре кораблекрушения [24, т. III, 14].

<...>

И всё исчезнет невовратно
 Не в очистительном огне,
 А просто — в легкой и приятной
 Венецианской болтовне.

[1, с. 168–169]

При всем различии стихов Ходасевича и образов Герцена, нельзя не обратить внимание на сходство риторического контура — внешний порядок мира идет своим чередом (“интриги бирж” — “биржи кипят деятельностью”, “дворцы блещут огнями” — “свод Прокураций” — дворцов на площади св. Марка), но эта жизнь обречена на гибель. Однако вместо катастрофы — “уничтожения” у Герцена и “очистительного огня” у Ходасевича — мир погибнет незаметно, “развязавшись от прежнего единства”, “исчезнув в болтовне”.

В стихах Ходасевича выделяется вторая строфа с образом св. Урсулы, “уснувшей” “у Алинари за стеклом”. Алинари — это фирма художественных репродукций, а в тексте говорится о репродукции картины Витторе Карпаччо “Сон святой Урсулы” (1495)¹². Образ средневековой святой в стихотворении — это знак присутствия далекого прошлого, не важного ни для “интриг бирж” и “потуг наций”, ни для венецианской беззаботности. То, что раньше принадлежало сакральному пространству (житие святой) и высокому искусству (картина), стало всего лишь продающейся репродукцией, элементом уличной декорации. Прошрое, таким образом, не уничтожается бесследно, а сохраняется, “развязываясь от прежнего единства”, в каких-то остаточных формах. В этом плане вторая строфа обсуждаемого стихотворения может ассоциативно влиять на его финал: если европейский мир исчезнет “не в очистительном огне”, то, возможно, какие-то элементы современности также станут частью истории, как элементы Средневековья и Возрождения остались в современности. Это также перекликается с рассуждениями Герцена. Продолжим цитату о гибели европейского мира: “Разумеется, целая часть света не может сгинуть с лица земли; она останется так, как Рим остался в средних веках; она разойдется, распустится в грядущей Европе и потеряет свой теперешний характер, подчиняясь новому и с тем вместе влияя на него” [24, т. III, с. 345].

О предстоящей гибели Европы Ходасевич писал и в другом стихотворении 1923 г.:

¹² Как отмечают в комментариях Дж. Малмстад и Р. Хьюз, “картина изображает спящую святую, ее корону и собачку, а также туфли возле кровати; на нее падает свет из открытой двери, в которой стоит ангел, возвещающий ее мученическую кончину” [34, с. 459].

Встаю расслабленный с постели.
 Не с Богом бился я в ночи,—
 Но тайно сквозь меня летели
 Колющих радио лучи.

И мнится: где-то в теле живы,
 Бегут по жилам до сих пор
 Москвы бунтарские призывы
 И бирж всесветный разговор.

<...>

И чьи-то имена, и цифры
 Вонзаются в разъятый мозг,
 Врываются в глухие шифры
 Разряды океанских гроз.

Хожу — и в ужасе внимаю
 Шум, не внимаемый никем.
 Руками уши зажимаю —
 Всё тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами,
 Европы темные сыны,
 Какими вы еще лучами
 Неошутимо пронзены!

[1, с. 167]

Неоднократно отмечалось (см., например: [34, с. 457]), что финал этого стихотворения — аллюзия на стихи Блока “Голос из хора” (1914): “Как часто плачем — вы и я — / Над жалкой жизнью своей! / О, если б знали вы, друзья, / Холод и мрак грядущих дней! <...> О, если б знали, дети, вы, / Холод и мрак грядущих дней” [35, т. III, с. 62–63]. Однако через блоковское предощущение будущей катастрофы, как кажется, проступают и герценовские идеи. Помимо терзающего лирического героя знания о предстоящей гибели и подчеркнутой политизированности стихотворения (“биржи”, “призывы Москвы”, “шифры”) здесь необходимо обратить внимания на две строки: “Европы темные сыны” и “Разряды океанских гроз”. Пренебрежительное отношение Ходасевича к европейцам, необразованным и не понимающим происходящего, напоминает отношение Герцена. Полемически обобщая и заостряя социальную картину, он писал, например, в “Письмах из Франции и Италии”:

“Уткнувши нос в счетную книгу, прозябают тысячи людей, не зная, что делается вне их дома, ни с чем не сочувствуя и машинально продолжая ежедневные занятия” [24, т. III, с. 68]; “У французов среднего состояния мы встречаем, кроме исключений, какое-то образованное невежество, вид образования при совершенном отсутствии его <...> их ум так неприхотлив и так скоро удовлетворяем, что французу достаточно десятка два мыслей, <...> чтоб довольствоваться ими и покойно учредить нравственный быт свой лет на сорок” [24, т. III, с. 145].

Характерное для Герцена пренебрежительное отношение к европейским обывателям (количество примеров, разумеется, может быть умножено; см. также ниже) отзывается у Ходасевича.

Упомянутые в стихотворении “разряды океанских гроз”, в свою очередь, могут по ассоциации напоминать герценовские метафоры революционных событий. В его осмыслении европейской жизни смешиваются метафоры “грозы” и “кораблекрушения”. Так, например, первые главы “С того берега” называются “Перед грозой” и “После грозы”, и в первой из них возникают образы кораблекрушения: “спасаться некуда, мы с этим кораблем связаны на живот и на смерть, остается сложа руки ждать, пока вода зальет — а кому скучно, кто поотважнее, тот может броситься в воду”; “давно тяжелые и крупные капли дождя падали на нас, глухие раскаты грома становились слышнее, молнии ярче; тут дождь полился ручьями... все бросились в каюту, пароход скрипел, качка была невыносима” [24, т. III, с. 254, 267]. Здесь также можно вспомнить главу из “Былого и дум” — “Осеано Нох” (“Ночь на океане”) — рассказ о трагической гибели части семьи Герцена на пароходе [24, т. V, с. 531–564]. Сама по себе эта история не связана с политикой, но в общей ткани мемуарной прозы семейная катастрофа перекликается с катастрофой 1848 г., и образность двух историй проступает друг сквозь друга. При этом нельзя не отметить, что Герцен, используя метафору кораблекрушения, опирается еще на античный тоpos государства-корабля, гибнущего в буре (см. оду Горация “К Республике” [36, с. 62]).

Еще одно стихотворение Ходасевича о европейской или мировой политике “Сквозь облака фабричной гари” (1922, 1923) впоследствии не вошло в “Европейскую ночь”, но для нас оно интересно как очередной пример использования определенной политической риторики:

Сквозь облака фабричной гари
Грозя костлявым кулаком,
Дрожит и злится пролетарий
Пред изворотливым врагом.

Толпою стражи ненадежной
Великолепье окружа,
Упрямый, но неосторожный
Дрожит и злится буржуа.

Должно быть, не борьбою партий
В парламентах решится спор:
На европейской ветхой карте
Всё вновь перечертит раздор.

Но на растущую всечасно
Лавину небывалых бед
Невозмутимо и бесстрашно
Глядят историк и поэт.

Людские войны и союзы,
Бывало, славили они;
Разочарованные музы
Припомнили им эти дни —

И ныне, гордые, составить
Два правила велели впредь:
Раз: победителей не славить,
Два: побежденных не жалеть.

[1, с. 248]

В экспозиции этого стихотворения — противопоставление пролетариата и буржуазии. Хотя ситуация, очевидно, должна перерасти в европейскую революцию или войну, на настоящий момент “упрямый, но неосторожный буржуа” доминирует в политической иерархии. По всей видимости, это положение вещей — следствие неудачного переворота, о чем говорят ряд строк и финал стихотворения: грядущие события произойдут не в первый раз (“вновь перечертит раздор”), а правила “разочарованных” муз имеют смысл отнести именно к сложившейся ситуации. Итак, пролетарий угнетен, а буржуа у власти, и никто не заслуживает ни прославления, ни жалости. Описание этой взрывоопасной ситуации, по всей вероятности, могло быть навеяно реальными впечатлениями — то ли оставленной нэповской Советской Россией, то ли пореволюционной Германией, где и написаны обсуждаемые стихи.

Для нас, однако, важно обратить внимание не на исторический контекст, а на риторическую организацию текста. Его несколько условная социальная модель и общий вывод напоминают публицистику Герцена, посвященную европейским впечатлениям и провалу революции 1848 г. Французская революция окончилась победой буржуазии, что, с одной стороны, вызвало неприятие и гнев Герцена, а с другой — заставило его сомневаться в позитивной логике истории и привело к “имманентному субъективизму” [37, с. 357–361]. Осмысляя произошедшую катастрофу, Герцен писал:

«Либералы всех стран, со времени Реставрации, звали народы на низвержение монархически-феодального устройства во имя равенства, во имя слез несчастного, во имя страданий притесненного, во имя голода неимущего <...>. Они опомнились, когда из-за полуразрушенных стен явился — не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле — пролетарий, работник с топором и черными руками,

голодный и едва одетый рубищем. Этот “несчастный, обделенный брат”, о котором столько говорили, которого так жалели, спросил, наконец, где же *его* доля во всех благах, в чем *его* свобода, *его* равенство, *его* братство. Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от *брата* за штыками осадного положения, спасая *цивилизацию и порядок!*» [24, т. III, с. 280].

Казалось бы, положение пролетария должно вызывать сочувствие. Хотя Герцен и жалеет рабочий народ, его теоретические выкладки безутешны. Сложившаяся ситуация чревата новыми всеевропейскими катаклизмами, и “никакое перемирие не поможет теперь во Франции; враждебные партии не могут ни объясняться, ни понять друг друга, <...> когда вопросы становятся так, — нет выхода, кроме борьбы, один из двух должен остаться на месте — монархия или социализм” [24, т. III, с. 285]. Неспособные объединиться “партии” и грядущая “борьба” напоминают нам “борьбу партий” и очередной “раздор” на “ветхой” карте Европы в стихах Ходасевича. Герцен предлагает “пари за социализм”, однако перспективы будущей победы социализма пугают его самого:

“Или вы не видите новых христиан, идущих строить, новых варваров, идущих разрушать? — Они готовы, они, как лава, тяжело шевелятся под землею, внутри гор. Когда настанет их час — Геркуланум и Помпея исчезнут, хорошее и дурное, правый и виноватый погибнут рядом. Это будет не суд, не расправа, а катаклизм, переворот... Эта лава, эти варвары, этот новый мир, эти назареи, идущие покончить дряхлое и бессильное и расчистить место свежему и новому, ближе, нежели вы думаете. Ведь это они умирают от голода, от холода, они ропшут над нашей головой и под нашими ногами, на чердаках и в подвалах, в то время как мы с вами <...>, Шампанским вафли запивая, толкуем о социализме. Я знаю, что это не новость, что оно и прежде было так, но прежде они не догадывались, что это *очень глупо*” [24, т. III, с. 286]/ См. также: [24, т. III, с. 339].

Однако высока вероятность, что победа новых “христиан-варваров” ничего по сути не изменит: “Результат этого будет тот, что всем на свете будет мерзко; мелкий собственник — худший буржуа из всех; все силы, таящиеся теперь в многострадальной, но мощной груди пролетария, иссякнут; правда, он не будет умирать с голода, да на том и остановится, ограниченный своим клочком

земли или своей каморкой в рабочих казармах” [24, т. III, с. 288]¹³.

Как мы видим, историческая логика Герцена полна трагизма. Неудивительно, что в итоге в книге он дистанцируется от исторических событий и логике истории предпочитает личность, свободного человека [24, т. III, с. 347–355] (вскоре эти взгляды эволюционируют, и важнейшее место в философии Герцена займет русская община). В этом свете и “Лавина небывалых бед”, и вывод стихотворения Ходасевича — “Раз: победителей не славить. / Два: побежденных не жалеть” — выглядят как афористическое перифразирование пессимистичных мыслей Герцена. Ходасевич, вслед за эмигрантом XIX в., провозглашает полную политическую независимость и интеллектуальную непричастность историческим судьбам мира.

Обратим внимание еще на один важный момент. В четвертой строфе стихотворения появляются “историк и поэт”. Их соседство восходит к “Поэтике” Аристотеля. Однако вопреки идеям древнегреческого мыслителя, согласно которому “первый говорит о действительно случившемся, а второй — о том, что могло бы случиться” [38, с. 67–68], у Ходасевича “историк” и “поэт” объединяются — они одинаково “глядят невозмутимо и бесстрастно”, а музы предписывают им одни и те же правила. Родство “историка” и “поэта” оправдывает позицию поэта-наблюдателя. Если философская концепция Герцена повлияла на мировоззрение Ходасевича, то кажется допустимым высказать гипотезу, что в обсуждаемых стихах на символическом уровне историк репрезентирует Герцена, а поэт — самого Ходасевича.

Пока мы рассмотрели название “Европейская ночь” и те стихи Ходасевича, в которых важную роль играют социально-политические темы и которые, с нашей точки зрения, связаны с идеями эмигранта XIX в. Теперь обратимся к другому блоку тем, связанных с разочарованием в Европе, мещанством и позицией наблюдателя. Они играют важную роль в мировоззрении поэта и в стихах “Европейской ночи”, написанных в полуэмигрантский период. Сразу оговоримся, что Герцен был не единственным, кто последовательно критиковал буржуазию и мещанство. Здесь, однако, важно отметить, что его критика

¹³ Возможно, приведенные размышления Герцена отразились в антиэпическом стихотворении Ходасевича “Искушение” (1921). Ср.: «И Революции не надо! / Ее рассеянная рать / Одной венчается наградой, / Одной свободой — торговать. <...> “Прочь, не мешай мне, я торгую. / Но не буржуй, но не кулак, / Я прячу выручку дневную / Свободы в огненный колпак”» [1, с. 131].

родилась в эмиграции, и это оказывается наиболее важной точкой сближения с Герценом. Добавим, что для культуры Серебряного века антибуржуазные взгляды Герцена были не только общим местом, но и трактовались как вполне актуальные для современности (см. статьи в сборнике [32]). Напомним, например, о статье Д.С. Мережковского “Герцен и мещанство” (1920), в которой реактуализировались важнейшие вопросы Герцена: “И тут опять возникает в начале XX века вопрос, поставленный в середине XIX: мещанство, не побежденное Европой, победит ли Россия?” [39, с. 373]. Далее мы будем обращать внимание на непосредственно влияние Герцена на Ходасевича, минуя промежуточные звенья (несомненно, эта тема требует отдельного изучения).

О причинах разочарования в европейской жизни Герцен писал неоднократно, и его перу принадлежат афористические объяснения того, что происходит с попавшим на Запад человеком. Позволим себе привести длинную цитату:

“Нам дома скверно. Глаза постоянно обращены на дверь, запертую царем и которая открывается понемногу и изредка. Ехать за границу — мечта каждого порядочного человека. <...> Сначала все кажется хорошо <...>, потом мало-помалу мы начинаем что-то не узнавать, на что-то сердиться. <...>

Дело в том, что мы являемся в Европу с ее собственным идеалом и с верой в него. Мы знаем Европу книжно, литературно, по ее праздничной одежде, по очищенным, перегнанным отвлеченностям, по всплывшим и отстоявшимся мыслям, по вопросам, занимающим верхний слой жизни, по исключительным событиям, в которых она не похожа на себя. Все это вместе составляет светлую четверть европейской жизни. Жизнь темных трех четвертей не видна издали, вблизи она постоянно перед глазами.

<...> Русский, напротив, страстный зритель, он оскорблен в своей любви, в своем уповании, он чувствует, что обманут, он ненавидит так, как ненавидят ревнивые от избытка любви и доверия” («Письмо к Ш. Риберолю, издателю журнала “L’homme”» — приложение к “Письмам из Франции и Италии”) [24, т. III, с. 222–234].

“Наше классическое незнание западного человека наделает много бед, из него еще разовьются пламенные ненависти и кровавые столкновения. Во-первых, нам известен только один верхний, образованный слой Европы, которые накрывает собой тяжелый фундамент народной жизни.

<...> Рыцарская доблесть, изящество аристократических нравов, <...> искрящийся ум энциклопедистов и мрачная энергия террористов — все это переплавилось и переродилось в целую совокупность

других господствующих нравов, мещанских. Они составляют целое, то есть замкнутое, оконченное в себе воззрение на жизнь” (“Былое и думы”) [24, т. V, с. 222–234].

В приведенных рассуждениях проявляются уже отчасти встречавшиеся в других цитатах из Герцена мысли: в Европе царит мещанство, русский человек, лишь книжно знающий Европу, оказывается предельно разочарованным, однако, будучи наблюдателем, он не является только пассивным зрителем, но переживает трагедию крушения идеалов. Свидетельство Герцена задает определенную модель восприятия европейской жизни, которая, в частности, проявилась в эмиграции Ходасевича¹⁴. Антимещанские и антибуржуазные взгляды поэта, однако, в большей степени были обращены к эмигрантам, чем к жителям Европы (в стихах, однако, не всегда удается провести четкую границу между этими двумя социальными категориями). Впрочем, сам Герцен писал, что “главный балласт всех эмиграций, особенно французской, принадлежит буржуазии; этим характер их уже обозначен” (“Былое и думы”) [24, т. VI, с. 51].

Вскоре после приезда в Германию Ходасевич писал (9 июля 1922 г.) своему другу Б.А. Диатропову:

“Живем в пансионе, набитом зоологическими эмигрантами: не эсерами какими-нибудь, а покрепче: настоящими толстобрюхими хамами. <...> Вы представить не можете себе эту сволочь: бездельники, убежденные, принципиальные, обросшие 80-пудовыми супругами и невероятным количеством 100-пудовых дочек, изнывающих от безделья, тряпок и тщетной ловли женихов. <...> Мечтают об одном: вешать большевиков. На меньшее не согласны. Грешный человек: уж если оставить сантименты — я бы их самих — к стенке. Одно утешение: все это сгниет и вымрет здесь, навоняв своим разложением на всю Европу” [22, т. IV, с. 447–448].

Неприятие и крайняя резкость высказываний Ходасевича говорят сами за себя. Интересно обратить внимание на “утешение”, согласно которому мещане-эмигранты “вымрут”. Оно, как кажется, является перефразированием слов Герцена: “Одно утешение и остается, весьма вероятно, что будущие поколения вырождаются еще больше <...> Слабые, хилые, глупые поколения протянутся как-нибудь до взрыва, до той или другой лавы, которая

¹⁴ Интересно обратить внимание, что наблюдения Герцена перекликаются с соображениями Ю.М. Лотмана о том, что “русский западник” “очень плохо знал Запад: он конструировал его по контрасту с наблюдаемой русской действительностью” [40, с. 611].

их покрывает каменным покрывалом и предаст забвению” (“С того берега”) [24, т. III, с. 338–339]. Хотя у Герцена речь идет о нескольких поколениях, а Ходасевич, похоже, надеется на более быстрый ход событий, обоих писателей объединяет уверенность в неизбежности смерти мещан / мещанства.

Менее резкие высказывания в адрес эмигрантов мы встречаем и в других письмах Ходасевича. А.В. Бахраху поэт писал (ноябрь 1923 г.) о том, что здешние русские напоминают людей “в спальном вагоне 3-го класса”: «все пассажиры одного (бухгалтеры, земские статистики, учителя, чиновники контрольной палаты, землемеры) — вылезли на станции “Прага” и закусывают в буфете. Колбаса, сыр, чай (“свой кипяток”) — и просаленная бумага» [22, т. IV, с. 466]. А много позже, в письме М. Карповичу от 19 марта 1932 г., Ходасевич подводил итог эмигрантскому литературному процессу, виня во всем мещанство: “...эмигрантская литература не состоялась. Могла состояться — в этом я уверен. Но не состоялась потому, что старшее поколение ощутило себя не эмиграцией, а оравой беженцев-обывателей. Мещанский дух и мещанский уклад старшей литературы подрезал крылья младшей” [22, т. IV, с. 517].

В эмиграции у Ходасевича включилась антибуржуазная модель Герцена, однако распространилась она, судя по письмам, на самих эмигрантов. Примечательно, что эта модель в какой-то степени была предзадана еще до отъезда поэта на Запад. В плане предстоящего разговора с А. Луначарским по поводу разрешения на выезд Ходасевич писал: “Я хочу бороться с духом буржуазства, т.е. с идейным обывательством, мещанством, оппортунизмом” [22, т. IV, с. 649]. Конечно, мы не можем вполне доверять этим словам, цель которых — добиться разрешения выехать за границу, однако они, странным образом, соответствуют последующему эмигрантскому умонастроению Ходасевича. По-видимому, выражая желание “бороться с духом буржуазства”, Ходасевич держал в голове конкретную модель отношения к Западу, сформированную еще Герценом в XIX в.

Насколько антибуржуазные мысли и образы Герцена отразились в эмигрантских стихах Ходасевича? Похоже, как минимум, в одном случае поэт использовал герценовскую метафорику. Написанное уже полноценным эмигрантом, стихотворение 1926 г. “Бедные рифмы” посвящено европейскому обывателю:

Всю неделю над мелкой поживой
Задышаться, тошнить и дрожать,
По субботам с женой некрасивой,
Над бокалом обнявшись, дремать,

В воскресенье на чахлую траву
Ехать в поезде, плед разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый раз в этом всем находить,

И обратно тащить на квартиру
Этот плед, и жену, и пиджак,
И ни разу по пледу и миру
Кулаком не ударить вот так,—

О, в таком непреложном законе,
В заповедном смиренье таком
Пузырьки только могут в сифоне —
Вверх и вверх, пузырек с пузырьком.

[1, с. 176]

Каламбур Ходасевича — бедные рифмы как термин и бедная рифмующаяся жизнь мужа и жены, спаянных, как рифма (рифма как брак — традиционная метафора), — только подчеркивает однообразную и тоскливую обывательскую жизнь. В самом стихотворении лирическое “я”, в отличие от своих героев, пытается совершить протест против такой жизни: “Кулаком не ударить вот так”, однако его результат остается за рамками текста.

Образность приведенного стихотворения перекликается с несколькими фрагментами известного цикла очерков Герцена “Концы и начала” (1862, 1863). В этом сочинении одну из ключевых ролей играют рассуждения о мещанстве — “последнем слове цивилизации” [24, т. VII, с. 470]. В очерках мы встречаем привычные наблюдения Герцена: “с мещанством стираются личности, но стертые люди сытее”, “толпа гуляющих в праздничный день в Елисейских полях, Кенсингтон-Гардене, собирающихся в церквях, театрах, наводит уныние пошлыми лицами, тупыми выражениями”; “для них очень важно и заметно, <...> что отцы и старшие братья их не в состоянии были идти ни на гулянье, ни в театр, а они могут” [24, т. VII, с. 470–471]. Стертые личности, бессмысленные праздничные дни рифмуются с настроением стихов Ходасевича. Примечательнее, однако, что и мысли о бунте против сложившихся жизненных форм, и финальная метафора напоминает один из пассажей Герцена:

“Да, любезный друг, пора прийти к покойному и смиренному сознанию, что мещанство окончательная форма западной цивилизации. <...> После всех мечтаний и стремлений... оно представляет людям скромный покой, менее тревожную жизнь и по-сильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжким трудом свои зимние квартиры. Пусть другие покажут свою прыть. Время от времени, конечно, будут еще являться люди прежнего брожения, героических эпох, других формаций

<...>, но их мимолетные явления не будут в силах изменить главный тон.

<...> Личности стирались, родовой типизм сглаживал все резко индивидуальное, беспокойное, эксцентрическое. Люди, как товар, становились чем-то гуртовым, оптовым. <...> Индивидуальности терялись, как брызги водопада, в общем потоке, не имея даже слабого утешения “блеснуть и отличаться, проходя полосой радуги” [24, т. VII, с. 519–520].

Как кажется, образный ряд стихов Ходасевича напрямую связан с приведенным пассажем. Конечно, бросается в глаза метафорическое сходство “пузырьков в сифоне” и “брызг водопада в общем потоке”¹⁵. Помимо этой переключки можно также обратить внимание на “квартиры”, на “потерянные индивидуальности”, а также на то, что Герцен тоже задумывается о попытке изменить порядок вещей в мещанском царстве — “будут появляться люди прежнего брожения”, но их “явления не будут в силах изменить главный тон”. Не потому ли “бунт” лирического субъекта в стихах Ходасевича ограничивается только жестом неприятия — ударом кулака “по пледу и миру”? Протестовать против порядка мира можно сколько угодно, но изменить ничего нельзя.

В других стихах “Европейской ночи”, написанных как в полуэмигрантский период, так и позже, прямых текстуальных переключек с Герценом не обнаруживается, хотя в них есть строфы, в которых проявляется антимещанская и антиобывательская патетика. Здесь можно вспомнить цикл “У моря” (1922 г.) с главным героем — “Каином”. Скорее всего, под этим именем Ходасевич имел в виду эмигранта (соображения об этом см. в: [3, с. 98–100]), хотя нельзя исключать, что Ходасевич знал пассаж из другого варианта “С того берега”, где говорится о “Каине-буржуа” [42, с. 348]. Поэтика описания героя цикла “У моря” в некоторых строфах ассоциируется с описанием европейского обывателя: “За кружкой пива созерцает, / Как пляшут барышни фокс-трот,— / И разом вдруг ослабевает, / Как сердце в нем захолонет. // О чем? Забыл. Непостижимо, / Как можно жить в тоске такой! <...> Колышется его просторный / Пиджак — и, подавляя стон, / Под европейской ночью черной / Заламывает руки он”; “Примостился в кофейне где-то / И глядит на двух толстяков, / Обсуждающих за газетой / Расписание поездов. <...> Опрокинул столик железный. / Опрокинул пиво свое. / Бесполезное — бесполезно: Продолжается бытие” [1, с. 159, 161]. Можно

также вспомнить злое антибуржуазное стихотворение “An Mariechen” (1923) [1, с. 163–164]. Впрочем, большинство героев “Европейской ночи” — это несчастные увечные люди, а если использовать слова Герцена — “Париж, стоящий за ценсом” (“Письма из Франции и Италии”) [24, т. III, с. 30].

Хотя других прямых переключек с Герценом в эмигрантских стихах мы не находим, у нас есть основания полагать, что Ходасевич мировоззренчески следует за Герценом. Приведем несколько примеров. В “Концах и началах” есть известное рассуждение о мещанстве:

“Знаем ли мы, как выйти из мещанского государства в государство народное, или нет, — все же мы имеем право считать мещанское государство односторонним развитием, уродством.

Под словом “уродства”, “болезни” мы обыкновенно разумею что-то неестественное, противозаконное, не отдавая себе отчета, что уродство и болезнь естественнее нормального состояния, представляющего алгебраическую формулу организма, отвлечение, обобщение, идеал, собранный из разных частных — исключением случайностей. Отклонение и уродство подзаконны тому же закону, как и организмы; в ту минуту, когда бы они освободились от него, организм бы умер” [24, т. VII, с. 480].

Герцен, очевидно, рассуждает о “теле” современного ему “мещанского” европейского государства. “Уродство” распространяется на все проявления государства, оказывается своего рода его несущей конструкцией, без которого в прежнем виде оно существовать не может. Интересным образом, в большинстве стихов “Европейской ночи”, посвященных разным персонажам, герои отличаются физической неполноценностью или отталкивающим внешним видом (см. подробнее: [43; 3, с. 96–97]). Здесь мы вспомним строки из стихотворения “Дачное” (1923, 1924): “Уродишки, уродища, уроды / Весь день озерные мутили воды”, в которых безобразность героев вызывает отвращение. Вместе с тем в таких стихах, как “Слепой” (1922, 1923) или “Окна во двор” (1924) увечные персонажи вызывают жалость и просвечивающий сквозь нее экзистенциальный ужас. В работе [43] было предложено психологическое объяснение физической неполноценности героев эмигрантских стихов Ходасевича, вызванное травмой эмиграции. Однако даже если увечные герои связаны с психологическими переживаниями поэта, это не отменяет того, что порожденные Ходасевичем образы встраиваются в определенный историко-литературный контекст. Обилие физически неполноценных персонажей в “Европейской ночи” как будто является иллюстрацией мыслей Герцена об ущербности европейского мира.

¹⁵ Интересно отметить, что эти же слова Герцена приводила З. Гиппиус в своей статье “Декаденство и общественность” (1905) [41].

Здесь же следует сказать о еще одном важном для “Европейской ночи” поэтическом принципе. В эмигрантской поэзии Ходасевича очень много стихов о “*других*” — то ли о жителях Европы, то ли об эмигрантах. В каком-то смысле, это уличные сцены или зарисовки, пронизанные то болью и ужасом, то отвращением и раздражением. Это напоминает позицию “пристрастного зрителя”, о которой писал Герцен в связи с положением русского человека в Европе (см. также из книги “С того берега”: “Да, я зритель, только это не роль и не натура моя, это мое положение; я понял его, это мое счастье” [24, т. III, с. 308]). Важно отметить, что подсмотренные люди и картины в стихах Ходасевича констатируют трагичное положение вещей в современном мире. Такая “констатирующая поэтика” описания других выглядит как реализация принципа описания, заявленно-го в тех же очерках “Концы и начала”:

“Боль не лечит, а вызывает лечение. Патология может быть хороша, а терапия скверная; можно во-все не знать медицины и ясно видеть болезнь. Тре-бование лекарства от человека, указывающего на какое-нибудь зло, чрезвычайно опрометчиво. Хри-стиане, плакавшие о грехах мира сего, социалисты, раскрывшие раны быта общественного, и мы, *недо-вольные, неблагодарные* дети цивилизации, мы во-все не врачи — мы *боль*; что выйдет из нашего крях-тения и стога, мы не знаем, — но *боль заявлена*” [24, т. VII, с. 480].

Описательными стихами “Европейской ночи” Ходасевич как будто постоянно “заявляет о боли”, о патологии современного европейского мира, по-грузившегося в “европейскую ночь”.

Наконец, говоря об описательных текстах эмигрантской поэзии Ходасевича (стихи о “*дру-гих*”), необходимо разрешить напрашивающий-ся интертекстуальный парадокс. Как было по-казано в работе [44], поэзия Некрасова в “Евро-пейской ночи” играет едва ли не ключевую роль, и во всех узловых стихотворениях сборника мож-но найти следы некрасовской лирики. Обращение к Некрасову, однако, могло выглядеть несколько противоречивым: почему для описания европей-ского и эмигрантского мира Ходасевич прибега-ет к поэзии уличных сцен Петербурга и, шире, России? Как кажется, герценовский пласт эми-грантской лирики Ходасевича позволяет ответить на этот вопрос. Герцен задал парадигму миро-воззренческого отношения к Европе, западному миру и западному мещанству, а социальная лири-ка Некрасова оказалась наиболее близким к зада-чам Ходасевича поэтическим материалом, рабо-тая с которым, можно было создавать собствен-ные высказывания о европейской жизни. Иными

словами, многие стихи “Европейской ночи” идео-логически соотносятся с Герценом, но поэтиче-ски — с Некрасовым (а также с сатирической по-эзией, например, с сатириконовской лирикой Саши Черного, см.: [3, прим. 27]).

Нам осталось коротко рассмотреть те сти-хи “Европейской ночи”, которые связаны с са-мим лирическим субъектом. Эти стихи, в основ-ном, были написаны в полуэмигрантский период, и они отличаются мотивами собственной раз-дробленности и смерти. См., например, в “Бер-линском” (1922): “Вдруг с отвращением узнаю / Отрубленную, неживую, / Ночную голову мою” [1, с. 162] или в стихотворении “Весенний лепет не разнежит...” (1923): “И в этой жизни мне доро-же / Всех гармонических красот — / Дрожь, про-бежавшая по коже, / Иль ужаса холодный пот, // Иль сон, где, некогда единый, — / Взрываюсь, раз-летаюсь я, / Как грязь, разбрызганная шиной / По чуждым сферам бытия” [1, с. 157].

Последняя цитата может напомнить пережива-ния Герцена о наступающей европейской ночи — “Смелые мыслю, дерзкие на язык, мы не по-боялись ни исследовать зло, ни высказать его, а теперь выступает холодный пот на лбу. Я пер-вый бледнею, трушу перед темной ночью, кото-рая наступает; дрожь пробегает по коже при мыс-ли, что наши предсказания сбываются так скоро” [24, т. III, с. 342], хотя совпадение здесь, скорее всего, случайное. Интересно обратить внима-ние, что мотив “взрыва” своего “я” перекликает-ся с тем, как описывали эмигрантское сознание в Советской России. В. Белов в книге 1923 г. “ав-торитетно” писал:

“Эмигрантское сознание (мы продолжаем гово-рить о широких массах эмиграции, а не об избран-ных верхах) оказалось как бы заключенным в обо-лочку сосуда, воздух в котором продолжает нагне-таться беспрерывно, без признаков, указывающих на близкое окончание этого нагнетения, и без забо-ты о том, каково действие до-нельзя сжатой атмос-феры на стенки сосуда и на его содержимое. Кру-шение Врангеля явилось тем толчком, от которого, подчиняясь закону детонации, взорвался этот со-суд, как взрываются паровые котлы...” [45, с. 111].

Мы не случайно перешли от Герцена к тому, как эмиграция воспринималась в метрополии. Перекличка между мыслями Белова и стихами Ходасевича, на первый взгляд, кажется стран-ной, и хотя едва ли приведенная цитата из со-ветского автора — претекст к стихотворению “Весенний лепет не разнежит...”, сам факт сов-падения описания человека в эмиграции — весьма показателен. Думается, он объясняется

прагматикой стихов Ходасевича, написанных в период полуэмиграции.

В начале статьи мы отмечали, что, по всей вероятности, стихи “Европейской ночи” задумывались как сборник сатирической лирики (см. подробнее: [3]). Оказавшись в эмиграции, Ходасевич первые годы считал, что может вернуться в Советскую Россию. Во многих его письмах проявляется уверенность, что происходящее на родине – лишь временное событие. Высказывания Ходасевича о современной России были собраны Н.А. Богомоловым [2, с. 208–212], мы напомним только об одной весьма показательной фразе 1923 г. из письма к А.И. Ходасевич: “В Кремле знают, что я не враг” [2, с. 210].

Надежды на возможное возвращение давали Ходасевичу возможность занять позицию “пристрастного наблюдателя”, сатирически изображающего “боль” и “уродство” современного западного мира, погружающегося в “европейскую ночь”, и эта позиция подкреплялась моделью, заданной Герценом, а отчасти и повторяла ее. Не случайно поэтика ряда стихотворений о жителях Европы и эмигрантах перекликается с тем, как описывалась эмиграция в Советской России. Помимо приведенного выше примера такой переключки, обратим внимание на следующий пассаж Белова, в котором как будто проявляется та же общая установка отношения к диаспоре:

“Выше мы уже однажды высказались об эмигрантском обществе как об обществе глубоко мещанском, безнадежно запутавшемся в им же самим сотканной липкой паутине обывательщины, пораженном параличом творческой воли и боящемся новых мыслей и дел, идущих вразрез привычной старине, точно так же, как боялась их в свое время наша заспанная, засиженная мухами и до-нельзя измельчавшая глухая провинция. В этом смысле мы и сравнивали эмиграцию с русским дореволюционным уездом” [45, с. 137].

Приведенные слова напоминают письмо Ходасевича к Диатроптову, но написаны они были позже.

Хотя Ходасевич до 1925 г. сатирически описывал западную жизнь, его позиция заключалась в одновременном неприятии Европы и современной Советской России. По сути, поэт оказался в том положении, о котором писал в свое время Герцен в статье “С континента” (1863): “Положение русского становится бесконечно тяжело. Он все больше и больше чувствует себя чужим на Западе и все глубже и глубже ненавидит все, что делается дома. Ни вблизи, ни вдали нет для него ни успокоения, ни отрады. <...> Разве в первые века

христианства испытывали подобную скорбь – *чуждости в обе стороны* – монахи германского происхождения, развившиеся в римских монастырях” [24, т. VIII, с. 80].

Психологически тяжелое состояние “чуждости в обе стороны” привело Герцена к исповедованию свободной личности, а позже – к идеям о спасительной миссии русской общины (см. подробнее анализ М. Малиа: [46, с. 518–555]). Обобщая, можно сказать, что в сознании эмигранта XIX в. образовалась тернарная модель, в которой положительно маркированным был лишь один элемент – будущее, связанное с Россией.

По всей видимости, сходная тернарная модель возникла и в сознании Ходасевича, хотя никаких политических программ он не предлагал. Положительно маркированным элементом для него, вероятно, являлось постреволюционное будущее России, в котором достижения революции будут “очищены” от допущенных новой властью ошибок. Отношение к событиям 1917 г. у Ходасевича было сложным, однако мы знаем, что в целом революцию он принимал. В письме к Б.А. Садовскому еще 15 декабря 1917 г. он писал:

“Верю и знаю, что нынешняя лихорадка России на пользу. <...> Будет у нас честная трудовая страна, страна умных людей, ибо умен только тот, кто трудится. <...> Не беда, если Садовскому-сыну, праправнуку Лихутина придется самому потаскать навоз. Только бы не был он европейским аршинником, культурным хамом, военно-промышленным вором. К черту буржуев, говорю я” [47, с. 37].

Как мы видим, антибуржуазная риторика проявилась у поэта до эмиграции. После 1917 г. Ходасевич сохранял симпатии к идее революции (см. свод примеров: [48, с. 169–170]), хотя его и ужасал “надвигающийся мрак” [22, т. II, с. 85] бескультурности и одичания. Однако самое резкое неприятие Ходасевича вызвал НЭП, в котором поэт увидел реставрацию прежних социальных и политических форм. Интересно, что неприятие именно новой экономической политики усилилось у поэта в эмиграции – в 1923 г. он написал шуточное стихотворение “НЭП”, в котором иронизировал по поводу новых нравов: «Если б маленький домишко, / Да вокруг него садишко, / Да в погожий бы денек / Попивать бы там чаек – <...> Да у каждой бы на лапке / Лоскуток из красной тряпки – / Вот тогда бы я сказал, – / “Национальный идеал”» [1, с. 296].

Думается, что до 1925 г. Ходасевич сохранял надежду не только на свое возвращение, но и на то, что социально-политическое положение дел в метрополии вернется к приемлемым формам,

учитывающим достижения революции. Это отчасти сближало поэта с другими эмигрантами, которые до конца 1920-х гг. верили в скорое падение большевистской власти (см., например, свидетельство литератора из СССР: [49, с. 14]; см. также: [50]). Впрочем, подчеркнуто антибольшевистскую позицию Ходасевич начал занимать после 1925 г.

Описанные вкратце историко-социальные взгляды Ходасевича в 1922–1925 гг. испытывают влияние идеологической модели Герцена, причем важно подчеркнуть, что поэт, по-видимому, оставался близок к идеям эмигранта XIX в. и относительно значимости революции как идеи, и относительно необходимости не “оставаться на *старом берегу*”, поскольку “лучше с ним погибнуть, нежели спастись в богадельне реакции” [24, т. III, с. 234].

Завершая нашу работу, мы считаем необходимым коротко остановиться на том, как трансформировались взгляды Ходасевича, когда он стал полноценным эмигрантом, а также на том, как изменились смысл и поэтика “Европейской ночи”.

Надежды Ходасевича на приемлемую нормализацию Советской России не оправдались, и после 1925 г. для поэта стала важна идея отдаленного объединения диаспоры и метрополии. Роль эмиграции теперь заключалась в сохранении культуры для будущей России [11, с. 476–479]. Интересно, что взгляды Ходасевича на грядущую страну при этом перекликаются с его надеждами 1917 г.: “Будущая Россия представляется мне странно: деятельной, мускулистой, несколько американского типа, и очень религиозной, но уже не в американском духе” [51] (ср. с образом “честной трудовой страны” в письме к Б.А. Садовскому).

Вместе с тем, став полноценным эмигрантом, Ходасевич – насколько мы можем судить о его политических взглядах – разочаровался в политических чаяниях и амбициях, связанных с эмиграцией. В письме М. Вишняку от 2 апреля 1928 г. он писал: “Я думал – эмиграция хочет бороться с большевиками. Она не хочет. Быть так. Я не Дон-Кихот” [22, т. IV, с. 509]. Приведенная цитата интересна и в связи с Герценом: отказываясь быть Дон-Кихотом, Ходасевич, возможно, вспоминал о герценовском образе “Дон-Кихотов революции” (“Письма из Франции и Италии”; [24, т. III, с. 210]).

Переходя к стихам Ходасевича 1925–1927 гг., отметим, что в них усилились мотивы экзистенциального отчаяния, а пространство Европы и России слилось в одно, в результате чего сатирическая направленность эмигрантской лирики была нивелирована (см.: [3]). Для разворота

нашей темы важно обратить внимание на стихотворение “Петербург” (декабрь 1925), которое открывало сборник “Европейская ночь”. В нем Ходасевич вернулся к метафоре “ночи”:

А мне тогда в тьме гробовой, российской,
Являлась вестница в цветах,
И лад открылся музыкийский
Мне в сногшибательных ветрах.

[1, с. 155]

Открывая свой последний сборник, поэт, таким образом, “погрузил” в “европейскую ночь” и Россию. В приведенных строках можно также увидеть память о герценовских метафорах “ночи”, описывающих уже николаевскую эпоху:

“Но в самый темный час холодной и неприветливой ночи, стоя среди падшего и разваливающегося мира и вслушиваясь в ужасы, которые делались у нас, внутренний голос говорил <...>, что не все еще для нас погибло” (“Письма из Франции и Италии”; [24, т. III, с. 10]); “...И это среди мрачной ночи, из которой Россия не выходила” (“1864”; [24, т. VIII, с. 99]); «“Письмо” Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь...» (“Былое и думы”; [24, т. V, с. 138]).

Подведем итоги. Герцен оказал весьма значительное влияние на послереволюционное мировоззрение Ходасевича и стал особенно важен для него в эмиграции. По сути, взгляды, суждения и наблюдения Герцена стали модельными для поэта XX века. Как мы старались показать, идеи и образы публицистики Герцена-эмигранта оказали ключевое влияние как на метафору, лежащую в основе названия последнего поэтического сборника Ходасевича, так и на поэтику его стихов, написанных в период полуэмиграции (1922–1925 гг.). Вероятно, допустимо будет сказать, что в этот период Ходасевич идеологически во многом идентифицировался с Герценом. Его образы и мысли часто играют ключевую роль в эмигрантских стихах, а те стихотворения, которые не испытывают прямого влияния Герцена, как будто реализуют его базовые установки по отношению к эмиграции, западному миру и европейскому мещанству. Хотя антимещанские взгляды – неотъемлемая черта русской дореволюционной интеллигенции, а антизападные настроения проявлялись не только у Герцена, думается, что в сумме ключевым для Ходасевича оказалось влияние именно самого известного русского эмигранта XIX века. Однако, насколько нам известно, современники не увидели этот актуальный для автора “Европейской ночи” контекст. По-видимому, нашумевшая книга Шпенглера оказывалась для читателей наиболее напрашивающейся ассоциацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Ходасевич В. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1989 (Библиотека поэта). [Khodasevich, V. Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad, Soviet Writer Publ., 1989 (Poet's Library).]
2. Богомолов Н.А. Как Ходасевич становился эмигрантом? // Богомолов Н.А. Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М.: Intrada, 2011. С. 208–217. [Bogomolov, N.A. [How does Khodasevich became an immigrant?]. Bogomolov, N.A. *Sopryazhenie dalekovatykh: O Vyacheslave Ivanove i Vladislave Khodaseviche* [Linking the Distant: about Vyacheslav Ivanov and Vladislav Khodasevich]. Moscow, Intrada Publ., 2011. P. 208–217.]
3. Успенский П. Композиция “Европейской ночи” В.Ф. Ходасевича: Как эмиграция определила структуру сборника? // Russian Literature. 2016. Vol. 83–84. P. 91–111. [Uspenskij, P. [The Composition of V.F. Khodasevich's *European Night*: How Did Emigration Determine the Structure of the Collection?] Russian Literature. 2016. Vol. 83–84. P. 91–111.]
4. Bethea David M. Khodasevich: his Life and Art. Princeton, 1983.
5. Бочаров С.Г. “Памятник” Ходасевича // Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. М., 1996. С. 5–56. [Bocharov, S.G. [Khodasevich's “Monument”] Khodasevich V.F. *Sobranie sochineniy*: V 4 t. T. 1 [Collected Works in 4 Vols. Vol. 1]. Moscow, 1996. P. 5–56.]
6. Левин Ю.И. О поэзии Вл. Ходасевича // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 209–267. [Levin, Yu. I. [Khodasevich's poetry]. Levin Yu. I. *Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika* [Selected works. Poetics. Semiotics]. Moscow, 1998. P. 209–267.]
7. Богомолов Н.А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей, 1999. [Bogomolov, N.A. [Vladislav Khodasevich's Live and Art]. Bogomolov, N.A. *Russkaya literatura pervoy treti XX veka. Portrety. Problemy. Razyskaniya* [Russian Literature of the First Third of the Twentieth Century: Portraits, Issues, Investigations]. Tomsk, Aquarius Publ., 1999.]
8. Demadre E. La quête mystique de Vladislav Xodasevič: Essai d'interprétation de l'œuvre poétique du dernier symboliste russe. Paris, 1999.
9. Бочаров С.Г. «Европейская ночь» как русская метафора: Ходасевич, Муратов, Вейдле // Бочаров С.Г. Филологические сюжеты. М., 2007. С. 385–399. [Bocharov, S.G. [European Night as Russian Metaphor: Khodasevich, Muratov, Veydle]. Bocharov, S.G. *Filologicheskie syuzhety* [Philological Plots]. Moscow, 2007. P. 385–399.]
10. Долинин А. Тема заката Европы в поэзии русской эмиграции // Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea. Part II. Stanford, 2008. P. 44–62. [Dolinin, A. [The Theme of The Decline of the West in Russian Émigré Poetry]. Russian Literature and the West. A Tribute for David M. Bethea. Part II. Stanford, 2008. P. 44–62.]
11. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. Критика и публицистика. 1905–1927. М., 2010. [Khodasevich, V.F. *Sobranie sochineniy*: V 8 t. T. 2. *Kritika i publicistika. 1905–1927* [Collected Works in 8 Vols. Vol. 2. Critics and publicism 1905–1927]. Moscow, 2010.]
12. Муратов П.П. Искусство и народ // Современные записки. 1924. Кн. XXII. С. 185–209. [Muratov, P.P. [Art and people]. *Sovremennye zapiski* [Contemporary Papers]. 1924. Vol. XXII. P. 185–209.]
13. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. [Shpengler, O. *Zakat Evropy. T. 1* [The Decline of the West. Vol. 1]. Moscow, 1993.]
14. Франк С.Л. Кризис Западной культуры // Бердяев Н. А., Бухшпан Я. М., Степун Ф. А., Франк С.Л. Освальд Шпенглер и Закат Европы. М., 1922. С. 34–54. [Frank, S.L. [The crisis of Western Culture]. Berdyayev, N.A., Bukshpan, Ya.M., Stepun, F.A., Frank, S.L. *Osvald Shpengler i Zakat Evropy* [Oswald Spengler and The Decline of the West]. Moscow, 1922. P. 34–54.]
15. Долинин А.А. Гибель Запада: к истории одного стойкого верования // К истории идей на Западе: “Русская идея”. СПб., 2010. С. 26–76. [Dolinin, A.A. [The Death of the West: The History of one Stable Belief]. *K istorii idey na Zapade: “Russkaya ideya”* [About History of Ideas on the West: Russian Idea]. St. Petersburg, 2010. P. 26–76.]
16. Гурвич-Лищинер С.Д. Диалог о стихии и культуре (Герцен и Блок) // Вопросы литературы. 2001. № 4. С. 179–208. [Gurvich-Lishchiner, S.D. [The Dialogue about Element and Culture (Herzen and Blok)]. *Voprosy literatury* [Literature Inquiries]. 2001. No. 4. P. 179–208.]
17. Гурвич-Лищинер С.Д. О контактах в эссеистике Мандельштама с философской прозой Герцена // Studia Slavica. Budapest, 2004. Vol. 49. № 1/2. P. 63–84. [Gurvich-Lishchiner, S.D. [Contacts in Mandelstam's essays with the philosophical prose by Herzen]. *Studia Slavica*. Budapest, 2004. Vol. 49. No. 1–2. P. 63–84.]
18. Иванова Е.В. Блок читает Герцена // Блок и литература народов Советского союза. Ереван, 1991. С. 86–96. [Ivanova, E.V. [Blok Reads Herzen]. *Blok i literatura narodov Sovetskogo soyuza* [Blok and the Literature of the People of the Soviet Union]. Yerevan, 1991. P. 86–96.]
19. Калинин И. С того берега к другим берегам: Клио Герцена и Мнемозина Набокова // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. [Kalinin, I. [From the Other shore to other shores: Herzen's Clio and Nabokov's Mnemosyne]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2002. No. 58.]
20. Кузнецова А. «Поэту время не указ»: Цветаева и Герцен // Историк и художник. 2008. № 4. С. 117–122. [Kuznecova, A. [“Time isn't a Decree for a Poet”: Tsvetaeva and Herzen] *Istoriik i khudozhnik* [Historian and Artist]. No. 4. P. 117–122.]

21. Перлина Н. Разговор Манделъштама с Герценом о “Федре” и Рашели // И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию А.Л. Осповата. М., 2008. С. 468–478. [Perlina, N. [The Conversation Between Mandelshtam and Herzen about “Phaedrus” and Rachel]. *I vremya i mesto: Istoriko-filologicheskii sbornik k shestidesyatiletiiu A.L. Ospovata* [I Vremya I Mesto: Historical-philological Collection for Alexandr Ospovat’s 65-th Birthday]. Moscow, 2008. P. 468–478.]
22. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1996–1997. [Khodasevich, V.F. *Sobranie sochineniy: V 4 t.* [Collected Works in 4 Vols]. Moscow, 1996–1997.]
23. Малмстад Дж. По поводу одного “не-некролога”: Ходасевич о Маяковском // Седьмые тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига, М., 1995–1996. С. 189–199. [Malmstad, D. [With regard to one “non-necrologue”: Khodasevich about Mayakovsky]. *Sedmye tynyanovskie chteniya. Materialy dlya obsuzhdeniya* [In The 7th Tynyanov Conference. Materials for Discussion]. Riga, Moscow, 1996–1997.]
24. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1955–1958. [Gercen, A.I. *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Collected Works in 9 Vols]. Moscow, 1955–1958.]
25. Сурат И. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994. [Surat, I. *Pushkinist Vladislav Khodasevich* [Vladislav Khodasevich Pushkinist]. Moscow, 1994.]
26. Чудакова М.О. Самоубийство как дуэль и «список Герцена» в литературном сознании советского времени // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2002. С. 344–365. [Chudakova, M.O. [Suicide as a duel and “Herzen’s list” in the literary consciousness of the Soviet period]. *Tynyanovskiy sbornik. Vyp. 11: Devyatye Tynyanovskie chteniya. Issledovaniya. Materialy* [Tyinayanov Selected Works. Vol. 11. The 9th Tynyanov Conference. Research and Materials]. Moscow, 2002. P. 344–365.]
27. Успенский П. Творчество В.Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. – 1917 г.). Тарту: University of Tartu Press, 2014. [Uspenskij, P. *Tvorchestvo V.F. Khodasevicha i russkaya literaturnaya traditsiya (1900-e gg. – 1917 g.)* [Vladislav Khodasevich’s Poetry and the Russian Literary Tradition (1900–1917)]. Tartu, University of Tartu Press, 2014.]
28. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. [Paperno, I. *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek ehpokhi realizma* [Chernyshevsky and the Age of Realism: A Study in the Semiotics of Behavior]. Moscow, 1996.]
29. Дрыжакова Е.Н. Герцен на Западе: в лабиринте надежд, славы и отречений. СПб., 1999. [Dryzhakova, E.N. *Gercen na Zapade: v labirinte nadezhd slavy i otrecheniy* [Herzen in the West: in the Labyrinth of Hope, Glory and Renunciations]. St. Petersburg, 1999.]
30. Паперно И. Интимность и история: семейная драма Герцена в сознании русской интеллигенции (1850–1990-е годы) // Новое литературное обозрение. 2010. № 103. [Paperno, I. [The intimacy and history: Herzen’s family drama in the minds of Russian intellectuals (1850–1990)]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2010. No. 103.]
31. Устинов А., Сажин В. Ожог. К истории невышедшей “Литературной газеты” 1921 г. // Литературное обозрение. 1991. № 2. [Ustinov, A., Sazhin, V. [The Burn. On the History of the Unpublished “Literary newspaper” in 1921]. *Literaturnoe obozrenie* [Literary Review]. 1991. No. 2.]
32. А.И. Герцен: pro et contra, антология / Сост. К.Г. Исупов. СПб., 2012. [A.I. Gercen: pro et contra, antologiya. Sost. K.G. Isupov [A.I. Herzen: Pro et Contra, Anthology. Ed. K.G. Isupov]. St. Petersburg, 2012.]
33. Паперно И. Советский опыт, автобиографическое письмо и историческое сознание: Гинзбург, Герцен, Гегель // Новое литературное обозрение. 2004. № 68. [Paperno, I. [The Soviet Experience, an Autobiographical Writing and Historical Consciousness: Ginsburg, Herzen, Hegel]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. 2004. No. 68.]
34. Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. Полное собрание стихотворений. М., 2009. [Khodasevich, V.F. *Sobranie sochineniy: V 8 t. T. 1* [Collected Works in 8 Vols. Vol. 1]. Moscow, 2010.]
35. Блок А.А. Собрание сочинений: В 8 т. М.-Л., 1960–1962. [Blok, A.A. *Sobranie sochineniy: V 8 t.* [Collected Works in 8 Vols.]. Moscow-Leningrad, 1960–1962.]
36. Квинт Гораций Флакк. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. [Quintus Horatius Flaccus. *Ody. Epody. Satiry. Poslaniya* [Odes. Epodes. Satires. Epistles]. Moscow, 1970.]
37. Иванов-Разумник Р.В. Скиф сороковых годов // А.И. Герцен: pro et contra, антология / Сост. К.Г. Исупов. СПб., 2012. С. 337–363. [Ivanov-Razumnik, R.V. [The Scyth of the 1840th]. *A.I. Gercen: pro et contra, antologiya. Sost. K.G. Isupov* [A.I. Herzen: Pro et Contra, Anthology. Ed. K.G. Isupov]. St. Petersburg, 2012, P. 337–363.]
38. Аристотель. Об искусстве поэзии / Пер. В.Г. Апелльрота. М., 1951. [Aristotel. *Ob iskusstve poezii. Per. V.G. Appelrota* [Poetics, transl. by V.G. Appelrot]. Moscow, 1951.]
39. Мережковский Д.С. Герцен и мешанство // А.И. Герцен: pro et contra, антология / Сост. К.Г. Исупова. СПб., 2012. С. 369–373. [Merezhkovskiy, D.S. [Herzen and Philistinism]. *A.I. Gercen: pro et contra, antologiya. Sost. K.G. Isupov* [A.I. Herzen: Pro et Contra, Anthology. Ed. K.G. Isupov]. St. Petersburg, 2012. P. 369–373.]
40. Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 603–614. [Lotman, Yu.M. [On the Construction of the Theory of Cultural Interaction]. Lotman, Yu.M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, 2000. P. 603–614.]

41. Гиппиус З.Н. Декаденство и общественность // Гиппиус З.Н. Собрание сочинений. Т. 7. М., 2003. [Gippius, Z.N. [Decadence and Society]. Gippius, Z.N. *Sobranie sochineniy*. T. 7 [Collected Works. Vol. 7]. Moscow, 2003.]
42. Герцен А.И. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6. М., 1955. [Gercen, A.I. *Polnoe sobranie sochineniy: V 30 t*. T. 6 [Complete Works. Vol. 6]. Moscow, 1955.]
43. Успенский П. Травма эмиграции: физическая ущербность в “Европейской ночи” В. Ходасевича // Acta Slavica Estonica VII. Блоковский сборник XIX. Александр Блок и русская литература Серебряного века. Тарту, 2015. С. 192–210. [Uspenskij, P. [The trauma of emigration: a physical handicap in the “European night” by Khodasevich]. Acta Slavica Estonica VII. *Blokovskiy sbornik XIX. Aleksandr Blok i russkaya literatura Serebryanogo veka* [Blok’s Collection XIX. Alexander Blok and Russian Literature of the Silver Age]. Tartu, 2015. P. 192–210.]
44. Успенский П. “Начинаются мрачные сцены”: поэзия Н.А. Некрасова в “Европейской ночи” В. Ходасевича // Europa Orientalis. 2012. № 31. P. 129–170. [Uspenskij, P. [“Nachinayutsya Mrachnye Stseny”: Nekrasov’s Poetry in “European Night” by Khodasevich]. Europa Orientalis. 2012. No. 31. P. 129–170.]
45. Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутьи. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М., Пг., 1923. [Belov, V. *Beloe pokhmele. Russkaya eh migraciya na rasputji. Opyt issledovaniya psikhologii, nastroyeniy i bytovykh usloviy russkoy eh migracii v nashe vremya* [White Hangover. Russian Emigration at the Crossroads. Studies of Psychology and Living Conditions of Russian Emigration in Our Time]. Moscow, Petrograd, 1923.]
46. Малия М. Александр Герцен и происхождение русского социализма. 1812–1855. М., 2010. [Malia, M. *Aleksandr Gercen i proiskhozhdenie russkogo socializma. 1812–1855* [Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism, 1812–1855]. Moscow, 2010.]
47. Письма В.Ф. Ходасевича Б.А. Садовскому / Сост. И. Андреевой. Ann Arbor: Ардис, 1983. [*Pisma V.F. Khodasevicha B.A. Sadovskomu. Sost. I. Andreevoy* [V.F. Khodasevich’s Letters to B.A. Sadovskoy. Ed. I. Andreeva]. Ann Arbor, Ardis Publ., 1983.]
48. Успенский П.Ф. Тайные поминки по Блоку: Некрасов, Блок, Ходасевич // Русская литература. 2013. № 1. С. 164–179. [Uspenskij, P.F. [Secret Funeral Repast for Blok: Nekrasov, Blok, Khodasevich]. *Russkaya literatura* [Russian Literature (Spb.)]. 2013. No. 1. P. 164–179.]
49. Киришон В. Эмиграция и оппозиция. М., Л., 1927. [Kirshon, V. *Eh migraciya i oppoziciya* [Emigration and the Opposition]. Moscow, Leningrad, 1927.]
50. Флейшман Л. В тисках провокации. Операция “Трест” и русская зарубежная печать. М., 2003. [Fleyshman, L. *V tiskakh provokacii. Operaciya “Trest” i russkaya zarubezhnaya pechat* [In the Grip of Provocation. Operation *Trust* and Russian Foreign Press]. Moscow, 2003.]
51. Городецкая Н. В гостях у Ходасевича // Возрождение. 1931. 22 января. С. 4. [Gorodeckaya, N. [Visiting Khodasevich]. *Vozrozhdenie* [Vozrojdénie]. 1931, Jaunary 22. P. 4.]